

Глава 22 (1). Он ведь мне очень нравится

—

После празднования Нового года в деревенских домах настала пора ходить в гости к родным и друзьям, и Цинь Сяомань не стал исключением.

Рано утром третьего числа Цинь Сяомань переоделся в чистую и приличную одежду:

— Сегодня я пойду со вторым дядей и его семьей в гости к двоюродному дяде в уезд. Я уже сказал второму дяде, что твоя нога еще не совсем зажила, так что ты останешься отдыхать дома. В этот раз тебе не нужно идти с нами.

Ду Хэн отозвался согласием. На самом деле его нога уже почти прошла, но, учитывая, что они с Цинь Сяоманем еще не провели официальную церемонию, ему было не очень удобно заявляться в городской дом к родне.

— Это тот самый двоюродный дядя, что служит писарем в уездной управе? Ты так торжественно принарядился.

— Угу. Это родня по линии братьев моего деда. Он уже много лет служит писарем в городе и там же обосновался. Нам, деревенским родственникам, приходя к ним, нужно выглядеть подобающе, чтобы не позорить двоюродного дядю. Его фулан, которого я зову маленьким двоюродным дядей, родом из богатой городской семьи, он очень щепетилен в вопросах внешнего вида.

Цинь Сяомань взял домашнюю колбасу - по две палки соленой и сладкой - и аккуратно завернул в чистую квадратную ткань. Если бы Ду Хэн не приготовил эту колбасу в прошлом году, Цинь Сяомань даже не знал бы, что взять с собой в подарок городским родственникам на Новый год, чтобы не ударить в грязь лицом.

— Маленькому двоюродному дяде, должно быть, понравятся такие вещи.

Ду Хэн сказал:

— Я помню, раньше моя семья тоже тратилась на покупку колбасы к праздникам, так что это вполне достойный подарок.

Цинь Сяомань кивнул:

— Тогда будь осторожен, пока будешь дома один.

Ду Хэн кивнул в ответ:

— Не беспокойся, я уже могу свободно ходить. Спокойно иди в гости, ничего страшного, если вернешься поздно.

Услышав это, Цинь Сяомань расстроился:

— Хорош муж! Разве подобает тебе просить меня вернуться попозже?

Ду Хэн рассмеялся:

— Я имел в виду, чтобы ты не волновался обо мне. Раз уж выпал редкий случай выбраться в

гости, нужно хорошенько повеселиться.

Только тогда Цинь Сяоманю стало спокойнее на душе. Он дал Ду Хэну еще несколько наставлений и, под его взглядом, вышел за ворота с подарками в руках.

На самом деле он всей душой хотел, чтобы Ду Хэн пошел вместе с ним, но в городских семьях много правил. Наверняка родственники под предлогом заботы начали бы судачить об их отношениях, что могло испортить всё праздничное настроение. И всё же, оставляя Ду Хэна одного дома, он чувствовал легкий укол совести.

Выходя со двора, Цинь Сяомань всё думал о муже. Он на мгновение замялся, чувствуя, будто что-то забыл, но, взглянув на свертки с подарками и убедившись, что ничего не оставил, пошел дальше.

— Сяомань, быстрее!

Услышав, что Цинь Сюн уже выехал на дорогу с телегой, Цинь Сяомань поспешил к ним.

— Береги себя! — крикнул он, сидя в телеге и изо всех сил маша Ду Хэну рукой.

— Иди со спокойным сердцем.

Ли Ваньцзюй сегодня нарядилась очень прилично. Цинь Сяочжу тоже надел свои лучшие одежды и повязал любимый воротник; он был занят тем, что прихорашивался, и не обращал на Цинь Сяоманя никакого внимания.

Двоюродный дядя считался самым статусным родственником в их роду, и возможность навестить его в уездном городе выпадала редко, поэтому они подготовились основательно.

Цинь Сюн последние несколько лет торговал свининой в уезде и завел там друзей. Сегодня, помимо двоюродного дяди, он планировал зайти еще в несколько домов, так что, скорее всего, они вернутся только через пару дней.

Взяв с собой жену и Цинь Сяочжу, он, вероятно, хотел «показать» гера людям – было бы замечательно, если бы удалось подыскать тому жениха в городе.

— Посмотри на себя, никак расстаться не можешь. Можно подумать, ты уезжаешь на заработки на долгие годы, — проворчала Ли Ваньцзюй, которой претило видеть их нежные чувства.

Не успел Цинь Сяомань и рта раскрыть, как Цинь Сюн сердито зыркнул на жену и прикрикнул:

— Не хочешь ехать в телеге – слезай и иди пешком.

Ли Ваньцзюй хмыкнула, но всё же прижалась поближе к управлявшему волом Цинь Сюну. Сегодня был радостный день, и затевать ссору ей не хотелось. По крайней мере, наступила недолгая тишина.

На телеге дул сильный ветер. Цинь Сяомань прикрывал лицо руками, боясь обветриться. Когда они выехали на главную дорогу, он вдруг хлопнул себя по бедрам:

— Ой! Забыл соленья, которые двоюродный дядя просил привезти! Я же чувствовал, что что-то оставил!

В прошлый раз, когда он продавал соленья в городе, у него осталось два горшочка, которые он подарил дяде. Оказалось, что двоюродному маленькому дяде они очень пришлись по вкусу. Самому просить было неловко, поэтому он передал просьбу через дядю.

Цинь Сюн придержал вола и предложил:

— Может, в другой раз привезешь? Мы ведь уже на главной дороге.

— Нельзя, дядя специально просил, будет нехорошо, если я забуду.

Цинь Сяомань спрыгнул с телеги:

— Второй дядя, поезжайте вперед. Времени еще много, я сбегаю заберу и догоню вас на какой-нибудь попутной телеге.

Цинь Сюн хотел было окликнуть его, но Цинь Сяомань бежал очень быстро. Сегодня стоял густой туман, и юноша в мгновение ока скрылся из виду.

Дядя вздохнул и позволил Цинь Сяоманю вернуться:

— Тогда не торопись слишком сильно.

Снег, шедший с перерывами несколько дней, сегодня наконец прекратился, однако на полях повсюду еще белели сугробы. Небо было хмурым, а туман – таким плотным, что дорогу было едва различить.

После ухода Цинь Сяоманя Ду Хэн немного прибрался в доме. В комнате, где он спал, он вытащил шкатулку с деньгами, скопленными за продажу новогодних рисунков. Медных монет в коробочке на вид было немало, но, пересчитав, он обнаружил всего двести восемьдесят восемь вэней.

Прямо как детская копилка: кажется, что целая коробочка набита, а на деле мелочь – по одному да по пять юаней, и общая сумма выходит маленькая.

Ду Хэн обнял шкатулку и вздохнул. Раньше он и не думал, что зарабатывать деньги бывает так трудно. Богачам это дается легко: у них и пути открыты, и связи налажены; тяжело приходится простому люду – каждая монета достается потом и кровью.

Как говорится, первоначальное накопление капитала – самый высокий порог.

Если зарабатывать потихоньку, денег со временем станет больше, но сейчас их было так мало, что неизвестно, в каком необозримом будущем удастся собрать нужную сумму. А времени ему как раз и не хватало.

Ду Хэн привел шкатулку в порядок и убрал обратно в шкаф. Раздумывая о том, какое бы еще занятие подыскать для заработка, он направился к полю.

Заготовленную к новому столу еду доедали два-три дня, и теперь остатки закончились – с сегодняшнего дня нужно было снова готовить. Когда в доме ты один, даже самая вкусная еда не кажется такой уж аппетитной, поэтому Ду Хэн решил перекусить чем-нибудь по-быстрому.

В это время года овощей и так было немного, а после череды сильных снегопадов большая часть того, что росло в поле, подмерзла. Ду Хэн сорвал кочан капусты; наружные листья совсем испортились от мороза, но если их ободрать, внутри еще оставалось что-то съедобное.

Он принялся очищать капусту прямо в поле. Гнилые желтые листья не ела даже скотина, так что лучше было оставить их здесь для удобрения почвы.

Кочан, перемешанный со снегом, леденил руки. Очистив его наполовину, Ду Хэн хотел было потереть ладони, чтобы согреться, как вдруг услышал неуверенный зов:

— А-Хэн...

Ду Хэн поднял голову. На краю дороги невесть когда появился мужчина. Снежный туман размывал пейзаж вдалеке, но человека, стоявшего перед ним, было видно отчетливо.

Мужчина средних лет был одет в плотный парчовый халат с перекрестным воротом. Хотя наряд был привычного для мужчин темного цвета и без лишних украшений, по самой ткани – на фоне сельских жителей в обносках и заплатах – сразу можно было понять, что этот человек не простого происхождения.

Ду Хэн замер на долгое время, тщательно перебирая в памяти лица, и наконец глухо произнес:

— Дядя?

В его голосе слышалось полное недоверие: он был поражен и тем, что это действительно родственник прежнего владельца тела, и тем, что тот объявился здесь.

— Это и правда ты! Наконец-то я тебя нашел! Как же ты дошел до такого состояния! — убедившись, что не ошибся, мужчина с печалью на лице шагнул вперед и схватил Ду Хэна за запястье. Он оглядел племянника в его старой, латаной-перелатаной одежде: — Оказаться в такой глуши... хлебнул ты горя!

Мужчина сокрушенно покачал головой и вздохнул:

— Раз в семье случилась беда, к чему твоим родителям было скрывать это и не послать весть пораньше? Эх, когда я получил твое письмо, уже наступили праздники, в поместье навалилось полно дел, и я решил, что это просто письмо с поздравлениями. Кто же знал, что в твоём доме произошли такие перемены!

Ду Хэн слушал молча.

Насколько он знал, мать Ду Хэна была дочерью купеческого рода из Хуэйчжоу, но до замужества она была лишь дочерью наложницы. Его дед по матери был богат, имел множество жен и наложниц. Статус купцов и так был невысок, а уж тем более статус дочери наложницы в большой купеческой семье.

Если бы не его бабушка – служанка, пришедшая в дом деда вместе с его первой законной женой и согласившаяся стать наложницей, чтобы укрепить положение хозяйки во время её беременности (за что законная жена, ценя преданность, позволила матери Ду Хэна выйти замуж в качестве законной супруги), – мать Ду Хэна никогда бы не получила такого статуса. В благодарность за преданность первая жена позже устроила судьбу её дочери.

Обычно детей из крупных торговых домов, даже законнорожденных, отдавали в наложницы знатым людям, а детей наложниц с их низким положением и вовсе использовали как разменную монету в интересах семьи.

Мать Ду Хэна хоть и уехала далеко, в маленький уезд Цюян, но стала там законной женой и

прожила в любви с отцом Ду Хэна несколько десятилетий. Такой судьбой она была обязана лишь благодарности старшего поколения. А этот человек перед ним был сыном законной жены из родного дома его матери.

В памяти Ду Хэна этот родовитый дядя всплывал лишь несколько раз. В больших поместьях Хуэйчжоу правила строгие, а путь до уезда Цюян занимал месяц или два, так что визиты к родне можно было пересчитать по пальцам. После смерти бабушки общение почти прекратилось, оставалась лишь ежегодная переписка.

Ду Хэн не ожидал, что дядя приедет искать его после письма. Неизвестно, отправился ли он в путь специально или заехал по пути с караваном через уезд Луся, но этот жест, хоть и запоздалый, говорил о немалой привязанности.

— Я заранее всё разузнал и, воспользовавшись тем, что сегодня ты один, специально пришел за тобой. Поезжай с дядей в Хуэйчжоу – хочешь, учишься и сдавай экзамены, хочешь, управляй лавками.

Вэй Фэн посмотрел на статного, но одетого в старую одежду Ду Хэна. Сердце человека, с детства привыкшего к роскоши, невольно сжалось. Хоть состояние семьи Ду было несоизмеримо меньше богатства семьи Вэй, они никогда не нуждались в еде и одежде. Видеть, как племянник докатился до такого... пусть он и из другой семьи, но всё же кровный родственник, да еще и грамотный человек. Это заставило дядю вздохнуть.

— Семейное дело у нас обширное, со мной у тебя всегда будет крыша над головой. Матушка, услышав о судьбе младшей сестры, сильно горевала. Ты – её единственный сын, и если у тебя всё будет плохо, матушка не найдет покоя.

— Повозки уже готовы, через три дня сможем двинуться в Хуэйчжоу. В этой богом забытой глуши ты оказался только потому, что небеса закрыли глаза на несправедливость. Натерпелся ты, дитя!

Ду Хэн молча выслушал рассказ мужчины.

Это было слишком неожиданно. Он никогда не думал, что за ним придут родственники. Насколько богата семья Вэй, он помнил смутно, но по сравнению с ними не только эта деревня, но и весь уезд Луся казались нищими краями.

Только он собрался ответить, как вдруг послышался хруст – будто кто-то наступил на что-то хрупкое.

Вэй Фэн вскинул взгляд:

— Кто здесь!

Оба обернулись на звук, но ничего не увидели – в снежном тумане трудно было смотреть вдаль.

— Здесь нельзя долго оставаться, нужно скорее уходить. Мне говорили, что гер, который притащил тебя сюда, свиреп до невозможности. Если деревенские донесут ему, тебя могут силой задержать, и тогда дело примет дурной оборот. Я приехал тайно, налегке, и на чужой земле затевать ссоры нельзя!

Вэй Фэн потянул Ду Хэна за собой и велел ему поскорее уходить. Однако племянник вовсе не выказал радости спасенного из пасти тигра, а напротив – замер на месте.

— Дядя, — Ду Хэн нахмурился. — Племянник очень благодарен вам за то, что вы нашли меня. Но если бы тот гер не привез меня сюда, я бы давно умер у обочины дороги.

— Ты добр душой и помнишь добро — это похвально, — Вэй Фэн остановился и распорядился: — Я распоряджусь, чтобы ему передали сумму денег в благодарность за спасение и заботу. Пойдет ли так?

Ду Хэн спокойно ответил:

— Он привез меня сюда, чтобы я стал зятем, вошедшим в его семью, и все в деревне знают об этом. Я прожил с ним так долго... если я сегодня просто сбегу, что станет с его честью и репутацией? Он спас мне жизнь, неужели я должен взамен обречь его на позор до конца дней?

Вэй Фэн остолбенел.

— Ты хочешь сказать, что намерен остаться?

Ду Хэн не ответил ни «да», ни «нет»:

— Я пообещал помочь ему с весенним севом и не нарушу своего слова.

— Замолчи! — Вэй Фэн не верил своим ушам. — Даже если ты не ищешь богатства и готов быть простым деревенщиной, как ты, образованный человек, можешь пойти на такое унижение, как роль зятя в семье жены!

— Пройдя через смерть, понимаешь, что всё это мелочи, — спокойно произнес Ду Хэн. — К тому же я не могу поступить бессердечно. И... он ведь мне очень нравится.

Вэй Фэн долго и пристально смотрел на Ду Хэна.

— Ты хоть понимаешь, что несешь? Тебе приглянулся грубый деревенский гер? Как в семье Ду мог вырасти такой никчемный сын! Нельзя быть столь безрассудным. Сегодня ты поступаешь «благородно», но на кону — вся твоя жизнь!

Ду Хэн серьезно ответил:

— Если приложить усилия к хозяйству, жизнь не будет плохой.

Вэй Фэн ткнул пальцем Ду Хэну в лицо, желая разразиться проклятиями, но в итоге лишь тряхнул рукой и опустил её.

— Мой дядя проделал путь в тысячи ли, чтобы найти меня, и я глубоко благодарен, хоть мне и нечем отплатить. Но я прошу дядю — позвольте мне самому решать свою судьбу.

Вэй Фэн смотрел на него, и в голове уже зрели мысли. Племянник прожил здесь так долго, наверняка у того гера уже ребёнок в животе.

— Хорошо, тогда забирай его с собой.

Ду Хэн не был глупцом. Даже если Цинь Сяомань согласится бросить здесь всё, каково им будет в чужом Хуэйчжоу? Жить из милости под чужой крышей, пусть и в роскоши... разве это хорошая жизнь?

— Дядя, я твердо решил остаться.

— Ты хочешь моей смерти? Я оставил дела, нашел время для твоих поисков, и такова твоя благодарность?

Ду Хэн безропотно сносил упреки, пока Вэй Фэн не выдохся. Видимо, ругаться в одиночку, не получая отпора, дяде надоело. Он сдулся.

— Я тоже был молодым и понимаю этот минутный порыв. Через три дня я уеду из уезда Луся. Ду Хэн, это твой последний шанс! Если одумаешься – ищи меня в уезде, в гостинице «Линси». А если не придешь... не вини меня в бессердечии.

Ду Хэн промолчал, а затем добавил:

— Спасибо, дядя, за понимание.

Видя, что племянник упрям как осел, Вэй Фэн в сердцах взмахнул рукавом и зашагал прочь. Ду Хэн посмотрел вслед фигуре, быстро исчезающей в снежном тумане, и, подумав, бросился вдогонку.

— Одумался?! — воскликнул дядя.

Но Ду Хэн лишь сказал:

— После сегодняшнего дня неизвестно, когда свидимся снова. Горная дорога опасна, я провожу вас.

Разгневанный Вэй Фэн лишь ускорил шаг.

После полудня туман на время рассеялся, но к вечеру небо снова затянуло тучами. Ду Хэн несколько раз выходил во двор, но Цинь Сяоманя всё не было. Видя, что погода портится и вот-вот пойдет снег с дождем, он забеспокоился, как бы Сяомань не замерз по пути.

Странно: договорились поужинать вместе, а на дворе почти стемнело, и никого. Ду Хэн подумал, не оставили ли его на вечернюю трапезу, но это было маловероятно – путь от города до деревни занимает больше часа, в такую погоду гостей на ужин обычно не задерживают.

Проверив дорогу в третий раз и не увидев Сяоманя, Ду Хэн взял два зонта и собрался идти навстречу. Едва он закрыл дверь, как на тропинке за низкой каменной оградой показался знакомый силуэт. Сяомань шел, низко опустив голову.

— Почему так поздно? Тебя оставили на ужин?

Цинь Сяомань вошел в ворота и, увидев идущего навстречу Ду Хэна, внезапно бросился к нему и крепко обнял. От неожиданного толчка Ду Хэн слегка качнулся назад. Он почувствовал неладное: Сяомань был ледяным на ощупь, словно только что выбрался из погреба.

Ду Хэн мягко обнял его за плечи:

— Что случилось? В доме двоюродного дяди произошло что-то неприятное?

— Нет, — коротко ответил Цинь Сяомань. Он медленно отстранился и замер, молча глядя на мужа.

Ду Хэн нахмурился, но не стал допрашивать.

— Что хочешь на ужин? Я приготовлю. Похоже, ночью снова будет снег с дождем, может, сварить тебе таньюань*?

[*Таньюань (汤圆) — популярный китайский десерт, представляющий собой небольшие шарики из клейкой рисовой муки, традиционно подаваемые в сладком сиропе или бульоне. Это символичное блюдо, означающее единство семьи и гармонию, особенно популярное на Праздник фонарей.]

— Я не голоден. Устал, хочу поспать.

Цинь Сяомань, вопреки обыкновению, не обрадовался предложению вкусной еды. Он прошел в комнату, скинул одежду, забрался на кровать и с головой укрылся одеялом. Ду Хэн с тревогой наблюдал за ним.

— Есть что-то, о чем ты не можешь мне сказать? Расскажи, я помогу найти выход.

Цинь Сяомань смотрел на человека, стоявшего у кровати – Ду Хэн говорил мягко, в его глазах читалась искренняя забота. Но от этого на душе у Сяоманя становилось только горше. Словно в груди застрял ком, мешающий дышать.

— Я очень хочу спать.

Ду Хэн поджал лубы:

— Ну хорошо, поспи. Проголодаешься – вставай, я приготовлю еду.

— Я много съел днем, не беспокойся обо мне, проснусь только завтра утром.

Ду Хэн вздохнул, потакая его капризу:

— Тогда я принесу тебе жаровню с углями.

Сяомань не ответил. Ду Хэн поправил ему одеяло и уже собрался выходить, как вдруг сзади раздался голос:

— Ду Хэн, не уходи.

Цинь Сяомань прошептал совсем тихо:

— Пожалуйста, не уходи, ладно?

— Хорошо.

Ду Хэн вернулся и присел на край кровати. Глядя на гера, уткнувшегося лицом в подушку, он нежно произнес:

— Я побуду здесь, буду охранять твой сон. Спи, не бойся.

Цинь Сяомань медленно моргнул. Он не стал говорить, что забыл соленья, вернулся на полпути и случайно увидел встречу Ду Хэна с дядей. Теперь он знал всё.

Едва, едва он не выскочил тогда прямо к ним, чтобы увести Ду Хэна прочь.

Но, услышав слова его дяди, Сяомань замер. Оказалось, у Ду Хэна есть богатые родственники, которые могут обеспечить ему прекрасную жизнь, а здесь – лишь богом забытая глушь.

Сердце его мало-помалу леденело. Он случайно наступил на гнилую капусту, чем всполошил обоих, и не знал, о чем они договорились потом. Впрочем, суть дела он и так уяснил.

Он передал через людей весточку второму дяде, что не поедет в город, а сам просидел в лесу целый день. Весь продрог до костей и тянул время до самого вечера, не ожидая, что по возвращении застанет Ду Хэна дома.

Цинь Сяомань не понимал, почему тот еще не ушел. Может, вернулся собрать вещи, а может... он и вправду хороший человек и хочет попроситься с ним лично, раз до отъезда еще три дня.

Но какой же он всё-таки глупец! Деревенские люди часто не знают законов и не слушают доводов – неужели он не боится, что Сяомань силой запрет его и не даст уйти?

На душе у Цинь Сяоманя было тоскливо. Слыша ровное дыхание человека, сидящего у кровати, он на миг засомневался: а не привиделось ли ему всё это? Но разве могло это быть сном? Когда его маленький папа умер при родах, а отец погиб в результате несчастного случая, Сяомань тоже надеялся, что все эти дурные вести – лишь сон, просто потому, что не хотел принимать реальность.

Цинь Сяомань пребывал в полужабытьи, голова была тяжелой. Он не знал, спал ли он на самом деле, вся ночь прошла в каком-то оцепенении. Лишь в моменты просветления ему казалось, будто кто-то сжимает его руку, сжимает очень долго.

—

<http://bllate.org/book/14888/1343829>